

Социология села

Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд

Жвитиашвили Анатолий Шалвович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социальной структуры ИС РАН

E-mail: zhvitiashvili-a@mail.ru

Институциональная динамика российского села: историко-социологический взгляд¹

Аннотация

В статье рассматривается эволюция основных российских аграрных институтов, их влияние на процессы социальной стратификации на российском селе. Институциональная динамика носит циклический характер. Она отмечена противоборством коллективистских и частных форм собственности.

Abstract

The article analyzes changing trends in the main Russian agrarian institutions and their influence on social stratification in rural area. Institutional change is portrayed as a cyclical phenomenon characterized by a perennial struggle between collectivistic and private forms of ownership.

Ключевые слова: институты, социальная стратификация, сельская община, крестьянское хозяйство, государство, ценности

Keywords: institutions, social stratification, rural community, rustic holding, state, values

Цель работы состоит в том, чтобы показать процессы социальной стратификации на селе через призму институциональных изменений в аграрной сфере. Решение этой исследовательской задачи совмещает исторический и институциональный подходы к анализу заявленной темы. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [1, с. 92]. С позиций новой институциональной теории Д. Норта, «институты являются правилами игры в обществе или... изобретёнными человеком

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ «Российское село: социально-структурные процессы», № проекта 10-03-00188а.

ограничениями, формирующими межчеловеческие взаимодействия» [2, с. 5]. Жизнедеятельность российского села – это и исторически сформировавшиеся институты, и совокупность процессов, изменяющих его социальный облик.

По словам А. Аузана, «самодержавие и крепостничество – несущие конструкции нашей институциональной системы» [3, с. 57]. В этой диаде определяющей институциональной конструкцией является государство. Его специфику описал В. Ключевский. Разъясняя суть идеи «народного русского государства», он писал: «...Эта идея, ...отрицавшая вотчину, выражалась в прежней вотчинной схеме, заставлявшей мыслить государя... не как верховного правителя русского народа, а только как наследственного хозяина, территориального владельца Русской земли... Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили... и классы населения, обитавшего на территории государевой вотчины. Поэтому народное благо, цель государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения, исходившего из... кремлевской усадьбы и устанавливающего... всего чаще – порядок отбывания государственных повинностей обывателями» [4, с. 16]. Именно государство стало инициатором закрепощения некогда вольных сословий (от дружинников до землепашцев), связав право на получение земли со службой царю. Институт крестьянского хозяйства также вошел в исходную институциональную матрицу русского аграрного сообщества. Как отмечает И. Ильин, «“вольно-вольное” землепашество... привело, в конечном счёте, к образованию Российского государства» [5, с. 46]. Государство и крестьянское хозяйство образуют первичные институты русской аграрной экономики. При этом крестьянство соглашалось с законностью принадлежности земли государству (см.: [6, с. 81]). В эпоху русского самодержавного социального порядка структура основных акторов в системе аграрных отношений включала в себя кроме государства и крестьянского хозяйства сельскую общину и поместье (см.: [6, с. 76–77]). Если по вопросу о том, когда возник институт поместья как частной формы собственности на землю, у учёных нет острых разногласий, то в отношении генезиса института сельской общины они не выработали единого мнения. Одни считают, что община «возникла в результате возрождения древнейших форм экономических отношений», является «позднейшим ответом древних форм жизни на возникшую ограниченность земельных ресурсов», другие полагают, что община есть «совершенно новый продукт самостоятельного процесса» [7, с. 279; 8, с. 80–81]. В русской общественной мысли XIX в. первую точку зрения представлял А. Герцен, вторую – Б. Чичерин (см.: [9]).

Община характеризовалась такими признаками, как обязательная уравнительность и передел наделов; сословный характер общины; круговая порука; прикрепление крестьян к земле; запрет на выход крестьян из общины и подчинение интересов отдельного крестьянина интересам общины (см.: [6, с. 78]). Приватизация помещного хозяйства обнаружила кризис служилого государства, вызванный изменениями в социальной структуре общества: превращением дворянства из служилого сословия во владетельный класс. Изменения, инициировавшие переход от моноцентрического типа социальной стратификации к плюралистической модели социальной дифференциации, начались с Петра III и Екатерины II и были легитимированы философией Просвещения. Она заменяла магические представления о земле секулярным, утилитарным подходом в сфере аграрного управления. В соответствии с этим подходом центральное место в помещичьей идеологии заняла идея «повышения доходов», где «собственный интерес помещика... побуждает его заботиться о благосостоянии своих крестьян» [6, с. 83; 8, с. 187]. Появление же общины стало реакцией властей на сопротивление крестьянства усилению крепостной зависимости. Поместное хозяйство как частное хозяйство и община как коллективный и принудительно-закрытый тип социальной организации образуют вторичный слой русской аграрной институциональной системы.

Подчеркнём, что вторичность этих институтов здесь вовсе не означает их второстепенность. Для поземельного строя общины были свойственны не только общинное владение землей, обязательная уравнительность наделов, сословность, круговая порука, распределение земли в принудительном порядке в соответствии с рабочими и податными возможностями крестьян (см.: [6, с. 78]). Крестьянская община, по словам Т. Шанина, функционировала «в качестве основной ячейки самоидентификации» и выполняла функцию рынка труда, но рынка докапиталистического типа [10, с. 276]. Наём работника производится «без... формальной оценки результатов его деятельности. Широкое распространение имеет наём людей по знакомству или благодаря родственным связям» [11, с. 101]. Несмотря на царившую в общине уравнительность, в ней тоже имело место социальное расслоение на зажиточных крестьян, середняков и бедняков. Зажиточные крестьяне «нередко прибегали к найму ... батраков из бедных семей» [11, с. 101].

Для взаимоотношений институтов государства, крестьянского хозяйства, сельской общины, помещного землевладения характерна сложная историческая динамика. Она выражалась в длительном процессе закрепощения крестьян и превращения верхнего сословия из служилого во владетельное и праздное сословие. Сначала крестьянин был свободным землепашцем, выходил из сельского общества и даже

из крестьянства (см.: [6, с. 78]). А помещная земля представляла собой участок казённой земли, отданной в личное владение служилому человеку в качестве вознаграждения за службу государю (см.: [6, с. 78]). «В этом служении и только в нём – отмечает В. Ефимов – русские крестьяне видели правомерность помещичьего землевладения» [6, с. 81]. Подчеркнём, что в условиях служилого государства помещичье землевладение представляло собой не частную собственность, а условное владение – институт, свойственный этакратическим системам. По словам В. Ключевского, «классы... не были устойчивыми... и... обязательными состояниями. Лица могли переходить из одного класса или чина в другой, свободные по своей или государевой воле... служилый человек мог торговать в городе, крестьянин – ...заниматься городским промыслом» [4, с. 155]. Переход от условного владения к частной собственности был тяжёлым социально-структурным процессом. Соборное уложение 1649 г., принятое при царе Алексее Михайловиче, и Жалованная грамота дворянству времен Екатерины II (конец XVIII в.) обозначили исторические рамки, в которых шли процессы закрепощения крестьянского сословия и приватизации помещного хозяйства. Оба эти процесса «породили утрату легитимности русского аграрного строя помещного землевладения в глазах крестьянства» [6, с. 82].

Таким образом, исходная институциональная матрица, обеспечивавшая согласие и, стало быть, равновесие сторон в системе аграрных отношений, т. е. принцип принадлежности земли государству, что позволяло крестьянам считать землю ничьей, была разрушена. Это определило протестные настроения крестьянства, выливавшиеся в восстания, бунты и крестьянские войны. В русском самодержавном социальном порядке возникли дисфункциональные последствия, угрожавшие его существованию.

Государство пыталось снять возникшее социальное напряжение между ним и крестьянством сначала политическими средствами. Силовые меры не решали сути аграрной проблемы, нависавшей над Россией, словно дамоклов меч. В 1861 г. правительство впервые (не считая закона о хлебопашцах времен императора Александра I, освободившего от крепостной зависимости 0,5% крестьян, и попыток императора Николая I освободить крестьян) обратилось к экономическим методам решения аграрного вопроса. Но, судя по реакции крестьян, которые «враждебно встретили реформу», и социальным последствиям отмены крепостного права, реформа 1861 г. только снизила функциональность самодержавного социального порядка (см.: [6, с. 84]). Земли, отведённые крестьянам после отмены крепостной зависимости, не были их собственностью, а находились «как бы в залоге у государства» [12, с. 92]. Крестьяне должны были ежегодно в течение 49 лет выплачивать в казну

«выкупные платежи». В 1881 г. правительство уменьшило на четверть причитающуюся ему сумму, а в 1907 г. оно вообще отменило выкупные платежи и аннулировало недоимки (см.: [13, с. 229]). При императоре Александре III, которого называли крестьянским царём, был учреждён Крестьянский банк, выдававший крестьянам ссуды для покупки земли. И всё же принятые меры не вели к росту экономической независимости крестьян и их благосостояния.

Здесь сказалось действие ряда факторов. Традиция поземельного прикрепления крестьян, передача государством крестьянской земли в собственность сельских обществ только укрепляли роль крестьянской общины, которая «вдобавок к своим традиционным полномочиям (...праву перекраивать земельные наделы) приобрела часть власти, прежде принадлежавшей помещику» [13, с. 227–228]. Отмена крепостничества сама по себе ещё не означала роста производительности труда. Основная часть земельной собственности стекалась в сельскую общину, где практиковались традиционные, а не инновационные формы трудовой деятельности. Кроме того, использование принудительного труда может быть экономически обоснованным и не всегда превращаться, говоря словами К. Маркса, в «оковы» развития производительных сил. Известный русский экономист, философ и общественный деятель П. Струве пришел в 1898 г. к выводу о том, что крепостничество накануне своей отмены в 1861 г. достигло «высшей точки экономической эффективности» [14]. При этом в 1850-е гг. товарное земледелие в европейской части России составляло 18% (см.: [15, с. 46]). Освобождение крестьян не привело и к росту их потребления хлеба. Возможность экспорта зерна находила объяснение в девизе, выраженном в словах министра финансов при Александре III И. Вышнеградского «Не доедим, но вывезем» [16, с. 46]. Недоедание было спутником ухудшения материального положения крестьянина в пореформенной России (см.: [8, с. 287]). Оно проявилось и в сокращении размеров крестьянских наделов, «малоземелье». В 1860-е гг. приходилось 4,8 десятины на душу, в 1880-е гг. надел уменьшился до 3,5 десятины, а в 1900 г. он составлял всего лишь 2,6 десятины (см.: [8, с. 287]). В 1900 г. крестьянин стал беднее даже по сравнению с 1800 г. (см.: [13, с. 228]). Всё это заставляло крестьянина держаться общины. Сами крестьяне говорили: «Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет» [10, с. 313]. В результате выше указанных причин сельская община становилась влиятельной силой.

К началу XX в. крестьянство владело свыше 80% земли и арендовало часть остальных земель (см.: [17]). В отличие от западноевропейских крестьян, которые были частными собственниками, русский крестьянин был коллективным владельцем. Хотя земля была дана ему в постоянное пользование, её хозяином крестьянин считал себя, а не помещика.

К началу XX в. крестьянство владело свыше 80% земли. В отличие от западноевропейских крестьян, которые были частными собственниками, русский крестьянин был коллективным владельцем.

В период революции 1905-1907 гг., как отмечает Т. Шанин, «русские крестьяне в основном следовали своим собственным склонностям, а не убеждениям радикальной интеллигенции или пролетариата» [10, с. 273–274].

Начатые в период революции 1905-1907 гг. реформы П. Столыпина стали признанием экономической и «политической опасности» крестьянской общины (см.: [10, с. 279]). Правительство пыталось её расколоть, создав слой сельских собственников, верных самодержавию, и тем самым сокрушить могущество крестьянской корпорации.

Во времена столыпинской реформы в России впервые на массовом уровне столкнулись две идеологии – частного собственника земли и корпоративной солидарности общинных крестьян, – выявив дихотомный характер российского аграрного социума.

Столыпинская аграрная реформа встретила ожесточенное сопротивление со стороны общинного крестьянства. Только в немногих случаях община разрешала выход из неё или сельский сход разрешал приватизацию земли (см.: [10, с. 313]). К началу 1916 г. из общины выделились около 2 млн домохозяйств или примерно 21% общинного крестьянства (см.: [16, с. 43–44]). За годы реформы были созданы около 200 тыс. хуторов и 163 млн отрубков, которыми владели приблизительно 10% крестьянских хозяйств, т. е. менее половины всех вышедших из общины крестьян (см.: [16, с. 44]).

П. Столыпину не удалось разрушить крестьянскую общину и создать массовый слой сельских частных собственников. Вместо этого царское правительство получило открыто антагонистическую силу, свергнувшую его.

Крестьянско-общинный характер русской революции был предсказан ещё К. Марксом, внимательно следившим за социально-экономическими процессами в России. За несколько десятилетий до Октябрьской революции 1917 г. он писал: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» [18, с. 410]. Октябрьская революция стала таким «спасением» для русской сельской общины. Ленинский Декрет о земле по своей идеологической направленности был не большевистским, а эсеровским.

«Период между Октябрьской революцией и коллективизацией, – отмечает В. Ефимов, – является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков» [6, с. 89]. К 1927 г. крестьянская община охватывала 95,5% крестьянских земель (см.: [6, с. 89]). К 1920 г. бедняцко-батрацкая группа русского крестьянства составляла 30–35% крестьян, середняки – 55–66%, а группа кулацких хозяйств – чуть больше 3% (см.: [16, с. 45]). Большевистская революция сделала серед-

Во времена столыпинской реформы в России столкнулись две идеологии – частного собственника земли и корпоративной солидарности общинных крестьян, – выявив дихотомный характер российского аграрного социума.

няка, а не бедняка или, по выражению В. Ленина, «полупролетариат», господствующим социальным слоем в аграрном секторе. Средняк был амбивалентной социальной фигурой: он имел своё хозяйство, но не прибегал к найму рабочей силы. Ориентация середняка не на рынок, а на собственное потребление обуславливалась его приверженностью традиционным действиям в смысле Вебера. Преобладание середняка, олицетворявшего не рыночное, а натуральное хозяйство, сдерживало процессы социального расслоения в деревне.

Однако социальные результаты революции в деревне противоречили исходным идеологическим устремлениям большевиков. Идеология большевизма совмещала идеи пролетарского социализма, включающего идею полного обобществления, в том числе крестьянской экономики, и технократизма. Вслед за Марксом большевики полагали, что крестьянство – уходящий с авансцены истории социальный класс.

Идеология большевизма была идеологией глобализма, идеология крестьянского мира была идеологией локализма.

Идеология большевизма предусматривала не только социальное, но и научно-техническое преобразование общества. Идеология общины удерживала крестьян в рамках традиционного образа жизни.

Рано или поздно две идеологии должны были вступить в непримиримую борьбу. Она, как и в период самодержавия, вновь разразилась между государством и общиной. Первый раунд этой борьбы выиграла крестьянская община. Во втором раунде ей было суждено проиграть.

Это произошло в период индустриализации и коллективизации, которые являются двумя сторонами одного и того же социально-экономического процесса. Программа модернизации (индустриализации) страны, спрос на сырьё и рабочую силу для развития промышленности, рост городского населения, возрастающая потребность в зерне для производства хлеба и в других продуктах питания для города требовали перестройки сельского хозяйства, в котором преобладали середняцкие крестьянские хозяйства. Они были небольшими и технически слабо оснащёнными, так как работали на собственное потребление, а не на рынок (см.: [6, с. 90–91; 19, с. 397]). Индивидуальные хозяйства крестьян и община, будучи продуктом традиционного общества, не были рассчитаны на функционирование в условиях формировавшейся индустриально-урбанистической цивилизации. Смена целей правящей элиты predetermined иная статус общины и крестьянских хозяйств. Октябрьская революция не только сохранила, но и усилила оба института с их нетоварным производством, тогда как в период индустриализации-коллективизации они превратились в помеху дальнейшего развития. Другими словами, в зависимости от целеполагания тот или иной институт может играть функ-

Идеология большевизма была идеологией глобализма, идеология крестьянского мира была идеологией локализма.

циональную или дисфункциональную роль. Если в первом случае деятельность общины и имманентное ей традиционное действие в смысле Вебера имели функциональные последствия, то во втором случае вызванные ими последствия носили дисфункциональный характер.

Процесс коллективизации показал двойственное отношение крестьян к предлагавшейся им советским государством программе перестройки сельского хозяйства. С одной стороны, крестьяне приняли колхозно-совхозную систему, в которой они видели немало общих черт с традиционным строем аграрных отношений. С другой – они отчаянно сопротивлялись попыткам обобществления всех элементов крестьянских хозяйств (см.: [6, с. 91]). Опасаясь утраты советской властью контроля над деревней, И. Сталин опубликовал в 1930 г. «Головокружение от успехов», где осуждались нарушение принципа добровольности при организации колхозов и «чиновничье декретирование колхозного движения». В течение месяца после выхода этой публикации колхозы покинули около 5 млн человек (см.: [19, с. 411]). Сопротивление коллективизации оказывали не только зажиточные крестьяне (кулаки), но и многие середняки (см.: [19, с. 397–398]). Коллективизация в Советском Союзе в чём-то сопоставима с огораживанием в Англии. В обоих случаях разрушение социальной структуры традиционного общества начиналось с устранения крестьянства как основной производительной силы. В обоих случаях отъём земли у крестьян осуществлялся сверху (землевладельцами в Англии и государством в СССР). В обоих случаях применялись силовые методы решения аграрного вопроса.

В обществах начинающейся индустриализации крестьянство не случайно становится жертвой промышленного переворота. Но эта закономерность воплощается по-разному. Огораживание и коллективизация задали разный вектор социального развития. Огораживание привело к образованию свободной рабочей силы, открыв путь к появлению более производительной экономической системы (капитализма), а коллективизация породила новую систему закрепощения крестьян. Как и крепостным, обладавшим статусом поземельно прикрепленных работников, колхозникам запрещалось покидать колхозы.

Политика коллективизации стала определённым компромиссом между идеологией государства, строившейся на принципе полной социализации всех средств производства, и традиционными устоями крестьянского хозяйства. Итогом этого компромисса было появление колхозного строя. Отказавшись от пролетаризации крестьянства, ленинской идеи «товариществ рабочих», И. Сталин остановился на модели «колхоз-артель» (см.: [6, с. 88, 91]). В рамках этой модели

обобществлению подлежали только полевые наделы крестьян, приусадебные участки оставались в пользовании крестьян, а в их собственности находились жилые постройки, скот и птица (см.: [6, с. 91–92]). Под видом личных подсобных хозяйств (ЛПХ) скрывался всё тот же институт крестьянского хозяйства – традиционный институт русской аграрной институциональной системы. Однако в конце своего правления Сталин вынашивал идею упразднить кооперативно-колхозную собственность и превратить её в общенародную (см.: [20, с. 119]).

Компромиссный характер советской аграрной системы ставит вопрос о правомерности отождествления колхоза и крестьянской общины. Среди исследователей нет единодушия в этом вопросе. И. Буздалов называет колхоз «советской разновидностью» общины [21, с. 148]. А. Ахиезер писал, что «природа общины и природа колхоза тождественны» [8, с. 507]. Он исходил из принудительного характера производственного цикла в общине, подчинения общинника решениям большинства. «Общинник, – подчеркивал Ахиезер, – скорее арендатор, чем хозяин» [8, с. 508]. Традиция вмешательства в хозяйственную жизнь рядового крестьянина со стороны общины, государства и помещика была унаследована колхозами. Только субъектом вмешательства в хозяйственную жизнь колхозника вместо общины и помещиков был первый секретарь райкома компартии, «объединивший в себе функции и заместника центральной власти, и управляющего государственным районным предприятием» [6, с. 93]. Полагая, что колхоз, с одной стороны, унаследовал черты института поместья, с другой – выполнял функции общины (координация пользования общественными сенокосами и пастбищами), В. Ефимов склоняется к выводу о том, что колхоз «является прямым институциональным преемником русской сельской общины» [6, с. 93]. В. Данилов считает, что крестьянская община прекратила своё существование ещё во времена коллективизации в начале 1930-х гг., а вместе с ней исчезло мелкое крестьянское хозяйство (см.: [6, с. 93]).

При сравнении колхоза и общины следует учитывать конкретный социально-исторический контекст, в котором они функционировали. Колхозы были инкорпорированы в плановую систему экономики, их деятельность регулировалась плановыми заданиями, спущенными сверху государством, т. е. они действовали в условиях жёсткого централизованного руководства сельским хозяйством (см.: [20, с. 117]). Встроенность колхозов в систему государственного управления экономикой привела к тому, что начиная с 1960-х гг. разница между колхозами и совхозами практически исчезла (см.: [6, с. 93]). Община такой степени государственного вмешательства не знала, так как была наделена большей автономией от государства. Следует также иметь в виду, что колхоз лишён одной из важнейших

функций общины – функции перераспределения земельных наделов. К тому же председатель колхоза лишь формально избирался на общем собрании, а на деле назначался райкомом партии и исполкомом местного Совета (см.: [19, с. 399]). В отличие от председателя колхоза староста в общине был не назначенным, а выбранным руководителем.

Кроме того, в отличие от общины колхозы со временем стали частью уже не аграрного, а индустриально-урбанистического общества. Тогда многие крестьяне потянулись в города в поисках более комфортабельной жизни, тем самым порывая со своими исконными ценностями, основанными на тяге к земле. В 1961 г. численность городского населения впервые превысила численность сельского населения, составив 51% против 49% (см.: [22]). В 1964 г. это соотношение составляло 53% против 47% в пользу городского населения, а в 1986 г. городское население составило уже 65% (см.: [22; 23, с. 117]). Крестьянство, некогда представлявшее подавляющее большинство населения страны (в 1926 г. оно насчитывало 82% населения страны), превратилось в советский период своего развития в социальное меньшинство (см.: [8, с. 505]).

Отношение к нему со стороны правящей элиты начало меняться после Сталина. Во времена Н. Хрущева к крестьянам уже не относились как к враждебной массе (см.: [6, с. 94]). В 1950-е гг. налоги на индивидуальные хозяйства крестьян были уменьшены вдвое, а все долги по прежним выплатам списаны (см.: [19, с. 400–401]). Однако при Хрущеве произошло сокращение числа колхозов и рост числа совхозов – государственных предприятий, а самые маломощные колхозы были объединены и преобразованы в совхозы (см.: [19, с. 401]). В этих процессах слышался отзвук идеи Сталина превратить колхозы в общенародную собственность. Хрущев не отказался и от идеи ликвидации ЛПХ (см.: [6, с. 96]). Если при И. Сталине и Н. Хрущеве институты крестьянской экономики всё ещё не обладали полной легитимностью в представлении правящей элиты, которая стремилась превратить колхозы в общенародную собственность и ликвидировать личные подсобные хозяйства, то при Л. Брежневем происходит легитимация институтов крестьянского уклада. Так, ЛПХ партийно-государственным руководством страны перестало рассматриваться как нечто такое, чему суждено исчезнуть в ближайшей перспективе (см.: [6, с. 97]). На это было несколько причин. С крестьянскими хозяйствами заставляла считаться их экономическая весомость: на долю ЛПХ приходилось $\frac{1}{2}$ молока и мяса, более 50% картофеля и плодов (см.: [24, с. 3]). Ликвидация индивидуальных хозяйств в обстановке дефицита продуктов питания только обострила бы продовольственную проблему в стране и вызвала бы социальное напряжение, которое высшее партийное руководство, на-

пуганное беспорядками в Новочеркасске в 1962 г., не могло допустить. Кроме того, с начала 1960-х гг. СССР впервые превратился в импортёра зерна и с тех пор уже не смог освободиться от зависимости от зернового импорта.

Во времена С. Горбачёва колхозы и совхозы получили право на свободную продажу своей продукции, оставшейся после выполнения обязательных поставок государству (см.: [6, с. 98]). Тем самым был открыт доступ к формированию свободного рынка сельскохозяйственной продукции, которое сдерживалось продажей государству сельхозпродукции по фиксированным (заниженным) ценам и культурой самопотребления самих крестьян. Кроме того, советское руководство разрешило деятельность частных сельскохозяйственных предприятий в виде кооперативов (см.: [6, с. 99]). Так, впервые со времен столыпинской аграрной реформы существованию коллективных начал в русской аграрной институциональной системе был брошен вызов частными сельскими собственниками. Эту тенденцию продолжили аграрные реформы 1990-х гг., ставшие частью перехода от советского строя к постсоветской системе. В ходе аграрных преобразований многие колхозы и совхозы реорганизовывались в кооперативные, акционерные и другие формы сельскохозяйственных предприятий. Однако, по словам В. Ефимова, «юридически формально преобразовавшись из колхозов и совхозов в кооперативы, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, сельхозпредприятия мало изменились с институциональной точки зрения, т. е. правил своего функционирования» [6, с. 103]. По мнению российского исследователя, перспективы развития крестьянских фермерских хозяйств (КФХ), появившихся на гребне аграрных реформ, не стоит переоценивать. Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. доля КФХ в сельскохозяйственном производстве составила всего лишь 6,5%, тогда как доли сельскохозяйственных предприятий и ЛПХ, – соответственно, 41,2% и 52,3% (см.: [6, с. 113]). Я. Рощина и А. Сухова показывают очевидный рост доли фермерских хозяйств в структуре производства сельхозпродукции: если в 1992 г. продукция фермерских хозяйств составляла 1,1%, то в 2007 г. – 7% (см.: [24, с. 4]). Однако доля фермерских хозяйств в производстве продукции сельского хозяйства продолжает существенно отставать от доли хозяйств населения, на которые в 2007 г. приходилось 90% картофеля, 78% овощей, 86% плодов и ягод (см.: [24, с. 4]). Позиции хозяйств населения не подорвали даже более низкие темпы роста сельхозугодий ЛПХ. За период с 1992 по 2006 гг. площадь личных подсобных хозяйств увеличилась с 6,4 млн га до 8,1 млн га, тогда как сельскохозяйственные угодья фермерских хозяйств за тот же период выросли с 6,5 млн га до

21,6 млн га (см.: [24, с. 4]). В то же время сравнение типов фермерских хозяйств и хозяйств населения показывает более высокую товарность фермерских хозяйств.

В хозяйствах населения различают три категории домохозяйств: 1) население, производящее продукцию и для собственного потребления и на продажу; 2) собственников дач, садов, огородов, производящих продукцию в основном для своего потребления и 3) дачников, садоводов, владельцев коттеджей, либо производящих продукцию для себя, либо вообще не занимающихся агропроизводством (см.: [24, с. 18]).

Фермерское хозяйство образуют четыре типа домохозяйств: 1) крупные фермы-колхозы во главе с представителями бывшей колхозной верхушки, работающие на рынок; 2) средние фермерские хозяйства с высоко товарным производством; 3) семейные фермы с плохо оснащённой сельскохозяйственной техникой; 4) мнимые фермеры с невысокой товарностью (см.: [24, с. 18]).

Налицо парадокс: крупные и средние высокотоварные фермы дают гораздо меньше сельхозпродукции, чем небольшие и менее товарные ЛПХ, которые в соответствии с Федеральным законом № 112-ФЗ от 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве» определяются как «форма непринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции» (см.: [24, с. 10]).

Не демонстрируют большее преимущество по сравнению с ЛПХ и агрохолдинги – крупномасштабные сельхозпредприятия. Ко второй половине первого десятилетия текущего столетия насчитывалось 413 государственных и муниципальных и 318 негосударственных агрохолдингов. На долю агрохолдингов приходилось 26,5% товарной продукции сельхозорганизаций (см.: [6, с. 111]). Распространение агрохолдингов как крупных частных сельскохозяйственных предприятий кажется не типичным для исконно русской аграрной институциональной системы. Однако Ефимов усматривает в агрохолдингах возврат к частному поместью-вотчине – важнейшему аграрному институту со времен Екатерины II до Октябрьской революции 1917 г. (см.: [6, с. 111]).

Признание некоторой аналогии между двумя аграрными институтами не должно упускать из виду существенные различия между ними. Во-первых, в большинстве случаев, как признает Ефимов, предприятия агрохолдингов арендуют земли у крестьян (см.: [6, с. 111]). Во-вторых, агрохолдинги работают на рынок и прибыль, будучи капиталистическими предприятиями, т. е. в отличие от многих дворянских поместий агрохолдинги являются носителями целерациональных действий в смысле Вебера.

Более скромные результаты развития крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) Ефимов объясняет историческими причинами, так как КФХ не было места в исходной русской аграрной институциональной системе (см.: [6, с. 114]). Иначе историческое место КФХ характеризовал С. Кузьмин. Он считал, что «пореформенную земельную политику нельзя расценивать иначе, как попытку через мелкоземельное фермерство вернуть крестьянина к его прежнему, “традиционному”, типу» [25, с. 10]. Оба исследователя единодушны в негативной оценке реформ. Отрицательным фактором пореформенного развития аграрного сектора Кузьмин считал резкое сокращение его материально-технической базы по всем показателям – сельхозтехнике, использованию удобрений, наличию энергетических мощностей (см.: [25, с. 10]). По оценке В. Ефимова, реформы 1990-х гг. подорвали сельское хозяйство страны, привели к обвальному падению объёмов производства сельскохозяйственной продукции, его сокращению вдвое (см.: [6, с. 103]). В начале XXI в. производство зерна составило около 20% ниже дореформенного, снижается поголовье коров – с 20,5 млн голов в 1990 г. до 9,4 млн голов в 2006 г., уменьшается производство кормов, растёт импорт молока и мяса, и только по таким продуктам растениеводства, как масличные, сахарная свекла и овощи перекрыт дореформенный уровень (см.: [6, с. 112–113]). Отсутствие широкой социальной базы реформ в деревне Ефимов объясняет устойчивостью традиционных ценностей крестьянства – неприятием купли-продажи земли, т. е. частной собственности на землю. Одним из немногих положительных результатов аграрных преобразований в России исследователи считают формирование многоукладной аграрной экономики. Так, З. Калугина и О. Фадеева подчеркивают, что «многоукладность, а не гипертрофированное развитие какой-либо одной хозяйственной формы, будь то крестьянские (фермерские хозяйства) или крупные агропромышленные холдинги, может обеспечить аграрному сектору России устойчивое развитие» (см.: [26, с. 45]).

Эволюция аграрных институциональных форм в России носит колебательный характер, воспроизводя логику «аграрных циклов», где «векторное движение» предстает «не как направленное в историческое будущее, а как периодически совершающаяся смена поколений» [27, с. 109].

Устойчивость воспроизводства основных аграрных институтов в ходе их исторического развития оказалась неодинаковой. Наиболее прочными институциональными формами зарекомендовали себя государство и крестьянское хозяйство, хотя и они менялись.

Цикл изменений института государства состоял из следующих фаз. Сначала государство из служилого с условным владением верхних страт превратилось в сословное с частной собственностью на землю помещиков и кулаков. Затем последнее трансформировалось в советскую разновидность служилого

Одним из немногих положительных результатов аграрных преобразований в современной России исследователи считают формирование многоукладной аграрной экономики.

Цикл изменений института государства состоял из следующих фаз. Сначала государство из служилого с условным владением верхних страт превратилось в сословное с частной собственностью на землю помещиков и кулаков. Затем последнее трансформировалось в советскую разновидность служилого государства, которая в постсоветский период перешла в государство, напоминающее то, которое существовало накануне большевистской революции.

государства, которая в постсоветский период перешла в государство, напоминающее то, которое существовало накануне большевистской революции. Так, П. Милюков подметил, что русская история XX в. ближе к истории XVII и XVIII вв., чем XIX в. (см.: [28, с. 75]).

Изменение облика другого аграрного института – крестьянского хозяйства – тоже прошло ряд этапов. От вольного землепашества к использованию земельного надела на основе принудительных уравнительных переделов в рамках общинного владения землей, от хуторов и отрубов во времена реформы Столыпина к ЛПХ в советское время и к фермерским хозяйствам и хозяйствам населения в постсоветский период. Итогом этой эволюции стало появление фиксированного крестьянского хозяйства, т. е. такого хозяйства, в котором крестьянин получил в своё распоряжение не отчуждаемую от него (в результате принудительных переделов, конфискаций и прочих мер экспроприации) землю. Однако доминирование традиционных действий над целерациональными в смысле Вебера остаётся характерной чертой крестьянского хозяйства. В условиях российского сельского хозяйства его нерыночные или частично рыночные секторы (хозяйства населения) более производительны, чем высоко товарные фермерские хозяйства, объяснение чему надо искать в специфике ценностей русского крестьянина. Эта специфика ценностных ориентаций сдерживает рост товарности сельхозпроизводства и модернизацию аграрной институциональной системы.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia – Центр, Медиум, 1995. – С. 92.
2. North, D. Transaction costs, Institutions, and economic performance. – San Francisco, California: An International Center for Economic Growth Publication, 1992, p. 5.
3. Аузан А. А. «Колея» русской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории в 8-и тт. – М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. – С. 16, 155.
5. Ильин И. Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX-XXI вв. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. – С. 46.
6. Ефимов В. М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 74–116.

Изменение крестьянского хозяйства тоже прошло ряд этапов. От вольного землепашества к использованию земельного надела на основе принудительных уравнительных переделов в рамках общинного владения землей, от хуторов и отрубов во времена реформы Столыпина к ЛПХ в советское время и к фермерским хозяйствам и хозяйствам населения в постсоветский период.

7. Российское село в XXI веке: проблемы и перспективы. Первая Всероссийская конференция по социологии села (ноябрь 2004) /Отв. ред. Хагуров А. А. – М., Краснодар: Институт социологии РАН, Кубанский государственный аграрный университет, Академия социальных наук России, 2004. Вып. III. – С. 279.
8. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. – С. 80–81, 187, 287, 507, 508, 505.
9. Сборник документов и материалов «Сословный характер и хозяйство России в первой половине XIX в.». Глава 4. Крестьянская община и сельское общество. URL: http://ido.tsu.ru/other_res/hischool/soslov/tema4.htm.
10. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. – М.: Весь мир, 1997. – С. 276, 313, 273–274, 279.
11. Социальная структура российского общества /Отв. ред. Голенкова З. Т. – М.: Летний сад, 2003. – С. 101.
12. Проблемы формирования гражданского общества / Отв. ред. Голенкова З. Т. – М.: Институт социологии РАН, 1993. – С. 92.
13. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Захаров, 2004. – С. 229, 227–228.
14. Русская деревня в пореформенный период. URL: <http://rus-history.ru/russkaya-derevnya-v-poreformen.php>.
15. Супоницкая И. М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5. – С. 44–56.
16. Медведев А. В. Социальное развитие деревни (1917-1920) и эволюция концепций кооперирования крестьян // Социологические исследования. 1999. № 12. – С. 43–49.
17. Гайдар Е. Т. Особость России. XI-XX вв. Вестник Европы. 2005. № 15.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 410.
19. Голос крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах /Сост. Ковалев Е. М. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 397, 411, 398, 399, 400–401.
20. Денисов Ю. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. – С. 115–122.

21. Буздалов И. Аграрная теория: концептуальные основы и современные представления // Общество и экономика. 2003. № 2. – С. 146–159.
22. Зеленин И. Е. Характерная страница аграрной истории России (как решалась зерновая проблема при Н. С. Хрущеве). // Куда идёт Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Под ред. Т. И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 90.
23. Лейн Д. Подъём и упадок государственного социализма. Индустриальное общество и социалистическое государство. – Киев: Институт социологии НАНУ, 2006. – С. 117.
24. Рощина Я. М., Сухова А. С. Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства. – М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2009. – С. 3, 4, 18, 10, 103.
25. Кузьмин С. А. О трансформации деревенского уклада и судьбах сельскохозяйственного производства в России // Мир России. 2007. № 1. – С. 3–16.
26. Калугина З. И., Фадеева О.П. Новая парадигма сельского развития // Мир России. 2009. № 2. – С. 34–49.
27. Щукин В. Г. «Семейная разладица» или непримиримая распря? Западничество и славянофильство в культурологической перспективе // Вопросы философии. 2003. № 5. – С. 103–123.
28. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализации // Мир России. 2007. № 1. – С. 59–98.